

С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзина, Д. А. Омельченко

МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ ЛИЦ СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП РЕГИОНОВ СИБИРИ*

Алтайский государственный университет, 656049, Барнаул, пр. Ленина, 69; e-mail: svet-maximova@yandex.ru

В статье представлены результаты построения и апробации модели социальной эксклюзии населения старших возрастных групп регионов Сибири на основе социологического исследования, проведенного в 2016 г. в Алтайском и Забайкальском краях, Кемеровской обл. (779 человек 55 (женщины) и 60 (мужчины) лет и старше). Теоретически предложенная модель основана на следующем: она определяется депривацией социально-экономической (материальной), социальных прав (доступ к социальным институтам и услугам) и безопасности (безопасная среда), социального участия, культурной (нормативной) дезинтеграцией и социальным аутизмом. Названные компоненты и индикаторы специфичны для группы индивидов пенсионного возраста, которая *a priori* потенциально является группой риска социальной исключенности. Социальная эксклюзия как состояние и ситуация исключенности может быть прямо измерена через выраженность её компонентов. Модель имеет одностороннюю казуальность, то есть выраженность одного из индикаторов компонентов эксклюзии может привести к большей выраженности социальной эксклюзии. На основе операционализированных компонентов социальной эксклюзии был проведен расчет как индекса компонентов, так и общего индекса социальной эксклюзии пожилых, в том числе его региональные сравнения. Результаты апостериорного тестирования предложенной модели продемонстрировали хорошее соответствие теоретической и эмпирической моделей социальной эксклюзии пожилых.

Ключевые слова: социальная эксклюзия, население старших возрастных групп, модель социальной эксклюзии, депривация, состояние и ситуация исключенности, индикаторы, компоненты, индексы социальной эксклюзии

Проблемы старения обычно связывают с глобальными процессами, происходящими в обществе, такими как индустриализация или урбанизация [2, 7]. О. В. Краснова [5] характеризует старость как «возраст плохой адаптации», так как человек, достигший пожилого возраста, как правило, имеет определенные соматические и психические

изменения, способствующие изменениям в семейной жизни и окружающей среде. У лиц старших возрастных групп происходит смена психического и социального статусов, что находит свое отражение, прежде всего, в сужении круга физических и социальных возможностей [8].

Усугубляют эти процессы, как считают М. Э. Елютина [4], И. А. Григорьева, А. С. Биккулов [3], доминирующие в обществе представления о неразрывности старости, болезни и смерти, что оказывает определенное негативное воздействие на статус человека старшего возраста, делает его в большей степени зависимым от других и, как следствие, приводит к социальному исключению [6].

Идея о «социальной эксклюзии», изначально описывающая депривацию граждан с ограниченными возможностями, обрела концептуализацию в работах К. Walsh и соавт. [25], она стала измеряться индикаторами риска и защитных факторов, разного рода политическими обстоятельствами, которые гражданам приходится преодолевать. В широком смысле социальную эксклюзию можно определить как «процесс, в результате которого индивиды или их группы становятся полностью или частично исключенными из полного участия в делах общества, в котором они живут» [13]. При этом в концепции социальной эксклюзии можно выделить два принципиально важных акцента. Во-первых, социальная эксклюзия — это многомерное понятие. Люди, например, могут быть эксклюзированными из социума вследствие безработицы, размера заработка, наличия собственности, минимального потребления, уровня образования, качества жизни в государстве, наличия гражданства. Вследствие этого чаще всего эксклюзированные люди свидетельствуют о недостаточности близких контактов и уважения. Однако концепция эксклюзии фокусирует внимание на многомер-

* Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ № 15-03-00579 «Социальная эксклюзия лиц старших возрастных групп в современной России» (2015-2017).

ной природе депривации, то есть на том, что зачастую люди могут быть депривированы от множества «социальных факторов» одновременно, то есть эксклюзия (депривация) может одновременно проявляться в экономической, социальной и политической сферах [8, 17]. Во-вторых, социальная эксклюзия подразумевает обращение как к определенным взаимоотношениям индивидов и их групп, так и к процессам, которые привели к депривации. Индивиды могут быть исключенными из разных типов групп одновременно [10].

Факторами вовлечения в социальную эксклюзию называют бедность, субординацию в системе социальных идентичностей (раса, этничность, религия, гендер), социальные позиции (беженцы, мигранты), демографические характеристики (образование, профессиональная квалификация, возраст), а также состояние здоровья, наличие инвалидности или стигматизированных заболеваний, таких как ВИЧ и СПИД.

Модель социальной эксклюзии, разработанная The Social Exclusion Knowledge Network (SEKN) [20], представляет ее как результат действия четырех взаимосвязанных факторов (социальных, культурных, экономических и политических) на разных уровнях (индивидуальном, групповом, домохозяйств, местных сообществ, стран, мира в целом). Именно эта многомерная модель чаще всего лежит в основе научного анализа эксклюзии. При этом эксплицитная связь между эксклюзией и правами позволяет охватывать дискриминацию на основе гендера, этнических, религиозных особенностей, ограничения в связи со здоровьем и так далее.

Цель работы — концептуализация, построение и апробация модели социальной эксклюзии населения старших возрастных групп регионов Сибири.

Теоретическая модель эксклюзии

Для эмпирической проверки предположений и оценки степени эксклюзированности пожилого населения трех территорий РФ нами была разработана концептуальная модель эксклюзии. Основой для разработки модели послужили описанные выше подходы. Представленная выше модель коррелирует с концепцией бедности, но ее объяснительные возможности представляются нам относительно ограниченными. Это обосновывается тем, что социальная эксклюзия отражает не только процесс исключенности (динамичные характеристики), но и состояние исключенности (статичные характеристики). Социальная эксклюзия может

иметь как материальное (экономическое) выражение (дистрибутивное измерение эксклюзии), так и нематериальные характеристики (относительное измерение эксклюзии). Причины социальной эксклюзии необходимо рассматривать как на коллективном, так и индивидуальном уровне.

То есть изначально мы выделяем два измерения эксклюзии: ситуацию и состояние эксклюзии, материальные и нематериальные компоненты измерения. При этом материальный компонент (или ситуацию эксклюзии) описывают такие ее компоненты, как социально-экономическая (материальная) депривация (*MD*), депривация социальных прав (*DA*) — доступ к социальным институтам и услугам, и депривация безопасности (*Envr*) (безопасная среда). Нематериальный компонент (состояние эксклюзии) раскрывается через депривацию социального участия (*SP*), культурную (нормативную) дезинтеграцию (*CD*) и социальный аутизм (*SA*).

Материальные факторы риска социальной эксклюзии зачастую лежат в основе индивидуальных факторов риска, взаимодействуют с биологическими факторами риска, менее восприимчивы к вмешательствам, однако часто выступают в качестве идентификации граждан (семей или иных групп). Они включают ситуационные аспекты жизни в условиях бедности, низкие стандарты потребления, «скученность» проживания [16, 18]. Так, N. Delfani и соавт. [12] в своих исследованиях продемонстрировали влияние устойчивой бедности на социальную эксклюзию.

Социально-культурные компоненты эксклюзии. P. W. Kingston [15] в своей концепции культурного капитала описывает, что разделяемые нормы руководят поведением индивида и придают значение принадлежности к определенной группе. Культурные ресурсы через нормы и социализацию «ограничивают и предопределяют возможности индивидов, в том числе и в контроле над собственной жизнью» [21].

Социальные ресурсы отражают вовлечение и принадлежность к социальным сетям, предоставляющим персональный доступ к информации и поддержке других [8]. Социальные ресурсы могут включать слабые и сильные связи [24], а также сети, которые предлагают эмоциональную или инструментальную поддержку [27], опираются на общность интересов, деятельность, семейные или другие связи, объединяющие индивидов и преимущественно локализованные в приватной сфере [19]. Мы предлагаем учитывать ресурсы в социальной сфере в качестве индикаторов социально-

культурного компонента эксклюзии, потому как индивиды не выбирают собственный гендер или этничность, но они способны выбирать или не выбирать друзей, интересы и даже родственников.

Многие исследователи рассматривают гражданское и политическое участие в качестве отдельных сфер эксклюзии [23], но включают эти компоненты в социальные ресурсы, потому как политическое и гражданское участие формализовано, а публичные социальные ресурсы связаны с организационными структурами [20].

Компонент *SA*, названный нами «социальным аутизмом», отражает личные ресурсы, способность видеть преимущества в сложившемся положении и не зависит от экономического, культурного или социального статуса. Это микроуровневые ресурсы, включающие психические установки, психологическое благополучие и способности [1, 11].

Таким образом, предложенная модель опирается на ряд допущений: 1) социальная эксклюзия — это многомерный феномен, отражающий как экономико-структурные, так и социокультурные аспекты жизни; теоретически она определяется *MD*, *DA* и *Envr*, *SP*, *CD* и *SA*; 2) названные компоненты и индикаторы специфичны для группы индивидов старшего возраста, которая потенциально является группой риска социальной исключенности; 3) социальная эксклюзия как состояние и ситуация исключенности может быть непосредственно измерена через выраженность ее компонентов; 4) модель имеет одностороннюю казуальность, то есть выраженность одного из индикаторов компонентов эксклюзии может привести к большей выраженности социальной эксклюзии.

Материалы и методы

В тестировании модели социальной эксклюзии лиц старших возрастных групп в трех регионах РФ приняли участие 779 человек 55 (женщины) и 60 (мужчины) лет и старше, из них 28,5 % — мужчины, 71,5 % — женщины. В женской подвыборке 30,7 % составили женщины 55–59 лет, 32 % — 60–64 лет, 21 % — 65–69 лет, 16,3 % — 70 лет и старше, у мужчин 55 % — 60–64 лет, 27,5 % — 65–69 лет, 15,8 % — 70–74 лет и 1,8 % — 75 лет и старше. С учетом того, что некоторые авторы, например К. Walsh [26], указывают на пространственную зависимость выраженности социальной эксклюзии, отметим, что исследование было проведено в Алтайском крае, Забайкальском крае и Кемеровской обл.

Итак, каждое теоретическое положение об индикаторах социальной эксклюзии операционализировано в терминах опросника. Социально-структурный компонент эксклюзии, или ситуацию эксклюзии, описывали три компонента, для каждого из которых отобраны индикаторы эксклюзии: 1) *MD* (20 индикаторов); 2) *DA* (27 индикаторов); *Envr* (22 индикатора). Социокультурная эксклюзия, или состояние эксклюзии, также была описана тремя компонентами, включая ряд индикаторов: 1) *SP* (25 индикаторов); 2) *CD* (19 индикаторов); 3) *SA* (13 индикаторов).

Дополнительно был выделен ряд микроуровневых факторов риска эксклюзии, часть из которых представлена некорректируемыми факторами, а другая — поддающимися корректировке. Некорректируемые (независимые) факторы риска социальной эксклюзии: пол; возраст (для женщин ≥ 55 лет, для мужчин ≥ 60 лет); одинокое проживание; статус (работающий/неработающий пенсионер); размер пенсии; семейное положение; религия; способность к самообслуживанию; пенсионный стаж; тип поселения (город/село). Корректируемые (зависимые) факторы риска: двигательная активность; состояние здоровья; отсутствие собственного жилья; низкий уровень образования; копинг-стратегии; оценка материального положения; уровень адаптации после выхода на пенсию.

Рассчитывали индекс социальной эксклюзии, который представляет собой суммарное значение выраженности шести компонентов социальной эксклюзии: *MD*, *DA*, *Envr*, *SP*, *CD* и *SA*. Для определения выраженности каждого из индикаторов проведена трансформация шкал их оценивания, при этом обеспечено соответствие наивысших значений индикаторов максимальной социальной эксклюзии лиц старшего возраста. Каждый индикатор в наборе измеряли на основе самооценок пожилого населения по предложенным шкалам оценивания, зафиксированных в опроснике, максимальное значение соответствовало высокой выраженности признака эксклюзии. Суммарный возможный балл по *MD* составил 81 (по результатам суммирования $min=32$, $max=75$), по *DA* — 156 ($min=40$, $max=137$), *Envr* — 157 ($min=40$, $max=150$), *SP* — 104 ($min=43$, $max=77$), *CD* — 66 ($min=21$, $max=55$), *SA* — 60 ($min=15$, $max=55$), что соответствовало бы максимально выраженной эксклюзии каждого из компонентов.

В дальнейшем для обеспечения возможности сравнительного анализа полученные суммарные

индексы по каждому из компонентов были нормированы в 10-балльные шкалы, рассчитаны суммарные индексы ситуации (*SitExclInd*) и состояния (*CondExclInd*) эксклюзии респондентов, чьи суммарные значения составили общий индекс социальной эксклюзии (*GenExclInd*) населения пожилого и старческого возраста в трех регионах РФ, который впоследствии также трансформирован в 10-балльную шкалу. Трансформация индексов в 10-балльную шкалу проведена с учетом принятых правил округления дробных чисел, то есть значение 0–0,49 балла приравнивали к 0 баллов, 0,5–1,49 — к 1 баллу и т. д. Для статистической обработки и визуализации результатов применяли программу IBM SPSS 23.0 и MS Excel.

Результаты и обсуждение

Индекс ситуации социальной эксклюзии складывался из суммарных нормированных индексов трех компонентов — *MD*, *DA* и *Envr*. По первому компоненту 83,3% лиц старших возрастных групп присвоен индекс в диапазоне 0–0,49 балла, то есть в данной группе неэксклюзированных материально респондентов не отмечено депривации экономического поведения. В итоге, в группе материально депривированных лиц пожилого и старческого возраста значение индекса *MD* (*MDInd*) варьирует от 4 до 9 баллов, при этом 4 балла набрали 0,4% пожилого населения, 5 — 2,4%, 6 — 4,9%, 7 — 3,5%, 9 — 1,4%.

Ненулевое значение индекса *DA* (*DAInd*) зафиксировано у 36,5% лиц старшего возраста — оно варьирует в диапазоне 3–9 баллов; в самой большой по численности группе подверженных *DA* (15,3%) значение индекса равно 6 баллам.

Значение индекса *Envr* (*EnvrInd*) в диапазоне 3–10 баллов свойственно 42,5% лиц старшего возраста. Таким образом, почти $\frac{1}{2}$ участвовавших в исследовании лиц пожилого и старческого возраста депривирована от безопасной среды проживания. Это единственный компонент эксклюзии, значение которого для 0,4% респондентов стало максимальным — 10 баллов, а для 11,2% населения старшего возраста эксклюзия в сфере безопасного окружения выражена на уровне 8 баллов.

В итоге, суммарный индекс ситуации социальной эксклюзии (*SitExclInd*) населения старшего возраста трех территорий РФ распределён в диапазоне 1–8 баллов, его значение свыше 1 балла выражено для более чем половины респондентов — 60,3%. При этом ситуация социальной эксклюзии

является выраженной в средней степени для большей части эксклюзированных: 4% опрошенных отличает суммарный индекс в 6 баллов, 0,5% — в 7 баллов. Среднее значение индекса ситуации эксклюзии на уровне 5 баллов свойственно 8,3% опрошенных, ниже среднего значения расположились: 8,2% — с 4 баллами, 5,8% — с 3 баллами, 27,9% — с 2 баллами, 3,2% — с 1 баллом.

Состояние эксклюзии (*CondExclInd*), согласно предложенной концептуальной модели, описывается значениями индексов депривации социального участия (*SPInd*), культурной (нормативной) дезинтеграцией (*CDInd*) и социальным аутизмом (*SAInd*). Отметим, что распределение индексов в сторону большей концентрации и явной асимметрии в сторону больших значений свидетельствует о сопряженности индикаторов состояния эксклюзии, что не было отмечено в отношении оценки индекса ситуации эксклюзии.

Ненулевые значения индекса *SP* (*SPInd*) зафиксированы у 15% людей старшего возраста. Отметим, что у данных лиц значение весьма велико — 4–7 баллов. Можно сделать вывод, что исключенность индивида из системы социальных связей носит многомерный характер, происходит отчуждение от целого ряда сетей — семейных, дружеских, родственных, соседских и так далее. Итак, 0,6% респондентов имеют *SPInd* в 4 балла, 6,4% — 5 баллов, 5,8% — 6 баллов и 0,6% — 7 баллов.

Максимально выраженной для старших возрастных групп трех регионов оказалась *CD*, которой в той или иной степени подвержены 72,8% респондентов со значениями ее индекса *CDInd* в диапазоне 3–8 баллов. При этом большинство из группы таких эксклюзированных имеет высоко выраженную *CD*: для 31,3% значение индекса составило 6 баллов, для 16,2% — 7 баллов, для 1,8% — 8 баллов.

У 41,8% лиц пожилого и старческого возраста индекс *SA* (*SAInd*) варьирует в диапазоне 5–9 баллов: у 0,4% респондентов этот индекс выражен на уровне 9 баллов, у 1% — 8 баллов, у 5,6% — 7 баллов, у 11,6% — 6 баллов, средняя выраженность на уровне 5 баллов свойственна 15,4% людей старшего возраста.

По результатам построения суммарного индекса ситуации социальной эксклюзии (*CondExclInd*) мы пришли к заключению, что существенно большая часть респондентов находится в ситуации социальной эксклюзии (79,2%), выраженной на уровне 1–7 баллов. Значительная часть лиц старшего

возраста имеет значение *CondExclInd* в 2 балла, максимально выражен этот индекс для 0,5 % респондентов на уровне 7 баллов, для 4 % — 6 баллов, для 7,6 % — 5 баллов, для прочих групп значение *CondExclInd* является выраженным на низком уровне.

Перейдем к рассмотрению общего индекса социальной эксклюзии *GenExclInd* лиц пожилого и старческого возраста в Алтайском, Забайкальском краях и Кемеровской обл. Во всех трех регионах подавляющее большинство людей старшего возраста в той или иной мере подвержены эксклюзии (84,6 %), в целом социальная эксклюзия лиц этой категории слабо и средне выражена. Так, $\frac{1}{5}$ часть населения старшего возраста (21,1 %) имеет *GenExclInd* в диапазоне 0,5–1,49 балла, практически столько же пожилых и старых людей (20,2 %) — в диапазоне 1,50–2,49 балла, 17,2 % — свойствен данный показатель в 3 балла, 13,9 % — в 4 балла. У 8,1 % людей старшего возраста в трех регионах значение *GenExclInd* выражено в диапазоне 4,50–5,49 балла. Социально эксклюзированными на уровне выше среднего являются 3,6 % лиц старшего возраста со значением *GenExclInd* в 6 баллов и 0,6 % — в 7 баллов.

Таким образом, максимальное значение *GenExclInd* для пожилого и старшего населения трех регионов составило 7 баллов (значение индекса 6,50–7,49 балла). В табл. 1 представлено распределение значений рассчитанных индексов.

Для рассмотрения региональных различий выраженности индексов компонентов социальной эксклюзии проведен сравнительный анализ средних значений индексов (табл. 2). Согласно данным, представленным в табл. 2, значительных различий в выраженности компонентов социальной эксклюзии не зафиксировано, однако при этом наиболее эксклюзированными являются лица старших возрастных групп Кемеровской обл., для которых средние значения индексов социальной эксклюзии практически по всем компонентам, а также суммарным индексам ситуации и состоянию эксклюзии выше. Единственный компонент, который наиболее выражен не в Кемеровской обл., а в Забайкальском крае, — это депривация социальных прав *DA* (среднее значение 2,15 балла в Забайкальском крае, в Кемеровской обл. — 2,10 балла, в Алтайском крае — 2,05 балла).

Отметим также и то, что для лиц старших возрастных групп в Алтайском крае на одинаковом уровне выражено как состояние (1,9885), так и ситуация (1,9237) социальной эксклюзии, а в Кемеровской обл. и Забайкальском крае наиболее выраженным является состояние эксклюзии: $\mu\text{SitExclInd} = 1,7588$ и $\mu\text{CondExclInd} = 2,3385$ в Забайкальском крае и $\mu\text{SitExclInd} = 2,2462$ и $\mu\text{CondExclInd} = 3,1000$ в Кемеровской обл. Итак, в Кемеровской обл. $\mu\text{GenExclInd} = 2,8115$, в Забайкальском крае $\mu\text{GenExclInd} = 2,1595$,

Таблица 1

Распределение значений индексов эксклюзии у лиц старшего возраста, %

Значение индекса	<i>MDInd</i>	<i>DAInd</i>	<i>EnvrInd</i>	<i>SPInd</i>	<i>CDInd</i>	<i>SAInd</i>	<i>SitExclInd</i>	<i>CondExclInd</i>	<i>GenExclInd</i>
0–0,49 (0)	83,1	63,5	57,5	85,0	27,2	58,2	39,7	20,8	15,4
0,50–1,49 (1)	–	–	–	–	–	–	3,2	1,7	21,1
1,50–2,49 (2)	–	–	–	–	–	–	27,9	35,8	20,2
2,50–3,49 (3)	–	0,6	0,5	–	0,1	0,5	5,8	9,8	17,2
3,50–4,49 (4)	0,4	4,4	2,4	0,6	2,7	7,3	8,2	19,9	13,9
4,50–5,49 (5)	2,4	8,2	10,7	6,4	20,7	15,4	8,3	7,6	8,1
5,50–6,49 (6)	4,9	15,3	10,8	5,8	31,3	11,6	2,7	4,0	3,6
6,50–7,49 (7)	4,4	6,3	0,6	2,2	16,2	5,6	3,2	0,5	0,6
7,50–8,49 (8)	3,5	1,5	11,2	–	1,8	1,0	1,0	–	–
8,50–9,49 (9)	1,4	0,1	5,8	–	–	0,4	–	–	–
9,49–10 (10)	–	–	0,4	–	–	–	–	–	–

Примечание. Максимальное значение соответствует максимальной эксклюзии. Здесь и в табл. 2: жирным шрифтом выделены максимальные средние значения; курсивом выделены значения индексов ситуации и состояния эксклюзии; *MDInd* — индекс социально-экономической (материальной) депривации; *DAInd* — индекс депривации социальных прав; *EnvrInd* — индекс депривации безопасности; *SPInd* — индекс депривации социального участия; *CDInd* — индекс культурной (нормативной) дезинтеграции; *SAInd* — индекс социального аутизма; *SitExclInd* — суммарный индекс ситуации социальной эксклюзии респондентов; *CondExclInd* — суммарный индекс состояния эксклюзии респондентов; *GenExclInd* — общий индекс социальной эксклюзии населения.

Средние значения индексов социальной эксклюзии у лиц старших возрастных групп в региональных сравнениях

Регион	MDInd	DAInd	EnvrInd	SPInd	CDInd	SAInd	SitExclInd	CondExclInd	GenExclInd
Алтайский край	Среднее	2,0458	2,6660	0,7214	3,2939	1,9771	1,9237	1,9885	2,0763
	Стандартное отклонение	2,84292	3,17920	1,86381	2,91933	2,67374	2,01001	1,72536	1,75782
Забайкальский край	Среднее	2,1479	2,2159	0,7121	4,0000	2,2451	1,7588	2,3385	2,1595
	Стандартное отклонение	2,85481	2,94960	1,87572	2,87228	2,75678	1,87609	1,72476	1,55179
Кемеровская обл.	Среднее	2,0962	2,9903	1,1038	5,6115	2,6308	2,2462	3,1000	2,8115
	Стандартное отклонение	2,84923	3,30067	2,31846	1,69688	2,89358	2,33179	1,52381	1,69915
Всего	Среднее	2,0963	2,6258	,8460	4,3004	2,2837	1,9769	2,4750	2,3492
	Стандартное отклонение	2,84559	3,15924	2,03615	2,73455	2,78545	2,08914	1,72247	1,70250

Примечание. Максимальное значение означает высокую выраженность эксклюзии.

в Алтайском крае $\mu\text{GenExclInd} = 2,0763$ (μ — среднее значение).

Идентификация апостериорной модели социальной эксклюзии

Для проверки соответствия теоретической и эмпирической моделей эксклюзии был использован метод структурного моделирования (structural equation modeling (SEM)) [9] на основе конфирматорного подхода. То есть модель проверяли при помощи тестов качества соответствия, имеющихся в SEM, для выяснения степени согласования паттерна дисперсий и ковариаций в исходных данных со структурной (путевой) моделью, специфицированной исследователем. В ходе построения и тестирования модели использован модуль AMOS (Analysis of Moment Structures) версии 22.0.0 для IBM SPSS.

Для построения структурной модели мы использовали три латентные ненаблюдаемые переменные: $F1$ описывает ситуацию эксклюзии, $F2$ — состояние эксклюзии, $F3$ — риск социальной эксклюзии. На основе ранее проведенного анализа мы предположили, что ситуация эксклюзии состоит из индикаторов MD , DA и $Envr$, а состояние эксклюзии — из индикаторов SP , CD и SA . Индикаторами латентной переменной $F3$ выступили пол, оценка материального положения, образовательный уровень, семейный статус и наличие детей, размер пенсии.

По итогам моделирования социальной эксклюзии проведено тестирование полученной нулевой модели (рисунок) на соответствие. Результаты тестирования продемонстрировали соответствие теоретической и эмпирической моделей, а именно: величина χ^2 модели не является значимой при $p < 0,0001$ и $CMIN/DF \leq 4$ ($CMIN/DF$ — это значение χ^2 , которое делится на число степеней свободы в модели; этот критерий показывает, адекватно ли значение χ^2 для данной модели; оптимальное значение $CMIN/DF$ варьирует от 1 до 3); размер выборки адекватен для тестирования модели (HOELTER,

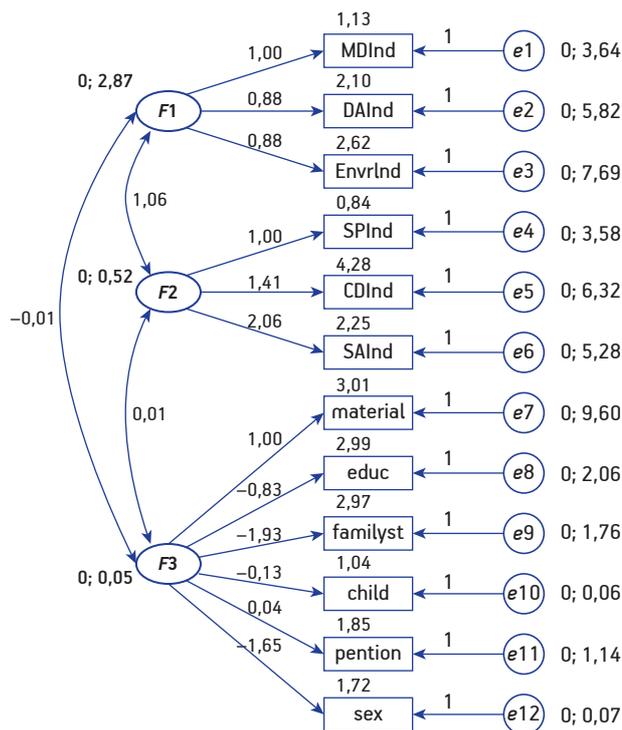
$n=327$), RMSEA (оценка среднеквадратической ошибки аппроксимации) $\leq 0,05$, согласуется с исследованием L. Hu и P. M. Bentler [14].

Заклучение

Таким образом, выделенные на этапе теоретического моделирования индикаторы в эмпирической модели действительно определяют вероятность наступления социальной эксклюзии и в целом характеризуют ситуацию, состояние и риск социальной эксклюзии лиц старших возрастных групп, проживающих на территории Сибирского федерального округа РФ.

Литература

1. Анисимов В.Н., Жаринов Г.М. Продолжительность жизни и долгожительство у представителей творческих профессий // Успехи геронтол. 2013. Т. 26. № 3. С. 405–416.
2. Башкирёва А.С., Вылегжанин С.В., Качан Е.Ю. Актуальные проблемы социальной геронтологии на современном этапе развития России // Успехи геронтол. 2016. Т. 29. № 2. С. 379–386.
3. Григорьева И.А., Биккулов А.С. Старость, здоровье, активное долголетие и смысловой контекст их упоминания в социальных сетях // Успехи геронтол. 2015. Т. 28. № 2. С. 354–359.
4. Елютина М.Э. Пожилые люди: отношение к смерти и танатические тревоги // Социол. исследования. 2015. № 10. С. 111–119.
5. Краснова О.В. Выход на пенсию и идентичность женщин // Психол. исследования. 2014. Т. 7. № 35. С. 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 24.05.2017).
6. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Максимова М.М., Щеглова Д.К. Социальная эксклюзия лиц старших возрастных групп: социально-экономические аспекты // Вестн. Алтайск. гос. аграрн. ун-та. 2015. № 5 (127). С. 180–184.
7. Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Авдеева Г.С., и др. Эмпирические модели восприятия старости в условиях новой геронтологической реальности: сравнительный анализ результатов социологического исследования в четырех регионах России // Изв. Алтайск. гос. ун-та. 2012. № 2–2(74). С. 242–245.
8. Сапонов Д.И., Смолькин А.А. Социальная эксклюзия пожилых: к разработке модели измерения // Мониторинг. 2012. №5 (111). С. 83–94.
9. Структурное моделирование в SPSS AMOS. [Электронный ресурс] moodle.herzen.spb.ru (дата обращения 29.10.2016).
10. Bonfatti A., Celidoni M., Weber G., Börsch-Supan A. Coping with risks during the great recession / In: Börsch-Supan A., Kneip T., Litwin H. et al. (eds). Ageing in Europe — supporting policies for an inclusive society. Boston: De Gruyter, 2015. P. 225–234.
11. Dahlberg L., McKee K.J. Correlates of social and emotional loneliness in older people: evidence from an English community study // Aging Mental Hlth. 2014. Vol. 18. P. 504–514.
12. Delfani N., De Deken J., Dewilde C. Poor because of low pensions or expensive housing? The combined impact of pension and housing systems on poverty among the elderly // Int. J. Hous. Policy. 2015. № 15. P. 260–284.
13. Hrast M.F., Mrak A.K., Rakar T. Social exclusion of elderly in Central and Eastern Europe // Int. J. Soc. Econ. 2013. № 40. P. 971–989.

Структурная модель социальной эксклюзии лиц старших возрастных групп.

MDInd — индекс социально-экономической (материальной) депривации; DAInd — индекс депривации социальных прав; EnvInd — индекс депривации безопасности; SPInd — индекс депривации социального участия; CDInd — индекс культурной (нормативной) дезинтеграции; SAInd — индекс социального аутизма; F1 — ситуация эксклюзии; F2 — состояние эксклюзии; F3 — риск социальной эксклюзии; e1,2,3,4,5,6,7,8,9 — ошибки эндогенных (зависимых) переменных; material — оценка материального положения; educ — образовательный уровень; familyst — семейный статус; child — наличие детей; pension — размер пенсии; sex — пол

14. Hu L., Bentler P.M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives // Structural Equation Modeling. 1999. Vol. 6(1). P. 1–55.
15. Kingston P.W. The unfulfilled promise of cultural capital theory // Sociol. Educat. 2001. Vol. 74. P. 88–99.
16. Milbourne P., Doheny S. Older people and poverty in rural Britain: material hardships, cultural denials and social inclusions // J. Rural. Stud. 2012. Vol. 28. P. 389–397.
17. Myck M., Najsztub M., Oczkowska M. Measuring social deprivation and social exclusion // In: Börsch-Supan A., Kneip T., Litwin H. et al. (eds). Ageing in Europe — supporting policies for an inclusive society. Boston: De Gruyter, 2015. P. 67–78.
18. Najsztub M., Bonfatti A., Duda D. Material and social deprivation in the macroeconomic context // In: Börsch-Supan A., Kneip T., Litwin H. et al. (eds). Ageing in Europe — supporting policies for an inclusive society. Boston: De Gruyter, 2015. P. 79–90.
19. Ogg J., Renaut S. Social inclusion of elders in families // In: Scharf T., Keating N. (eds.) From exclusion to inclusion in old age: a global challenge. Bristol: Policy Press, 2012. P. 89–108.
20. Popay J., Escorel S., Hernández M. et al. Understanding and tracking social exclusion: final report to the WHO Commission on Social Determinants of Health. Lancaster: Social Exclusion Knowledge Network, 2008. P. 207.

21. *Roanova J., Keating N., Eales J.* Unequal social engagement for older adults: constraints on choice // *Canad. J. Aging*. 2012. Vol. 31. P. 25–36.

22. *Scharf T., Keating N.* Social exclusion in later life: a global challenge // In: Scharf T., Keating N. (eds.) *From exclusion to inclusion in old age: a global challenge*. Bristol: Policy Press, 2012. P. 1–16.

23. *Serrat R., Villar F., Celdrán M.* Factors associated with Spanish older people's membership in political organizations: the role of active aging activities // *Europ. J. Ageing*. 2015. Vol. 12. P. 239–247.

24. *Victor C.R., Bowling A.* A longitudinal analysis of loneliness among older people in Great Britain // *J. Psychol.* 2012. Vol. 146. P. 313–331.

25. *Walsh K., Scharf T., Keating N.* Social exclusion of older persons: a scoping review and conceptual framework // *Europ. J. Ageing*. 2017. Vol. 14. № 1. P. 81–98.

26. *Walsh K.* Interrogating the 'age-friendly community' in austerity: myths, realities and the influence of place context // In: Walsh K., Carney G., Ni Léime Á. (eds.) *Ageing through austerity: critical perspectives from Ireland*. Bristol: Policy Press, 2015. P. 79–95.

27. *Warburton J., Cowan S., Winterton R. et al.* Building social inclusion for rural older people using information and communication technologies: perspectives of rural practitioners // *Aust. Soc. Work*. 2014. Vol. 67. P. 479–494.

Adv. geront. 2017. Vol. 30. № 4. P. 579–586

S. G. Maximova, O. E. Noyanzina, D. A. Omelchenko

MODEL OF SOCIAL EXCLUSION OF THE ELDERLY PEOPLE IN SIBERIAN REGIONS

Altai State University, 69, Lenin pr., Barnaul, 656049; e-mail: svet-maximova@yandex.ru

An article presents results of the construction and approbation of a theoretical model of social exclusion of population of elderly age groups in Siberian regions. It bases on the results of sociological research (2016) in three Russian regions: Altai region, Trans-Baikal region and Kemerovo oblast ($n=779$ age of respondents from 55 (women) and 60 (men) years and older). In theory, the model lays on the following: in is determined by economic (material) deprivation, deprivation of social rights (access to social institutes and services) and deprivation of security (safe environment), deprivation of social participation, cultural (normative) disintegration and social autism; the above named components are specific for the group of elderly people, that is a priori a high risk of exclusion; social exclusion, as a condition and situation of exclusion can be estimated straightly through the manifestation of its dimensions; the model has a one-way causality, i.e. the manifestation of one of its dimensions can lead to the high manifestation of the social exclusion. Basing on dimensions, operationalized in questionnaire, we calculated as an index of components of the social exclusion, as the total social exclusion index for elderly people including its regional correlations. By the results of a posteriori testing of the suggested model, we proved a good correlation between theoretical and empirical models of social exclusion of elderly people.

Key words: *social exclusion, people of elderly age groups, model of social exclusion, deprivation, condition and situation of exception, indicators, components, indexes of social exclusion*